

АНГИАНСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Мюррей Стайн

Принцип индивидуации

О развитии
человеческого
сознания

Юнгианская психология

Мюррей Стайн

**Принцип индивидуации. О
развитии человеческого сознания**

«Когито-Центр»

1983

Стайн М.

Принцип индивидуации. О развитии человеческого сознания /
М. Стайн — «Когито-Центр», 1983 — (Юнгианская психология)

Известный американский и швейцарский аналитик М. Стайн подводит итог изучению процесса индивидуации, начатому в предыдущих его книгах «В середине жизни» и «Трансформация: Проявление самости». Опираясь на образы сказок, мифов и случаи из своей богатой практики, он дает всестороннее истолкование принципа индивидуации. Цель книги – помочь понять смысл психологического и духовного развития на всех стадиях жизненного пути. Книга адресована психологам, социологам, культурологам, деятелям искусства, а также тем, кто интересуется закономерностями непосредственного общения людей.

Содержание

Благодарности	6
Предисловие к русскому переводу	7
Введение	8
Глава 1	11
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мюррей Стайн

Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания

Murray Stein

The Principle of Individuation

Toward the Development of Human Consciousness

Chiron Publications

Wilmette, Illinois

Перевод с английского *К.Т. Мелик-Ахназаровой*

Научная редакция *В.К. Калининко*

ISBN 1-888602-37-6 (англ.)

Благодарности

*Друзьям,
что помогли мне понять
сокровенный смысл индивидуации*

За помощь, выразившуюся в прочтении и комментариях к различным главам этой книги по мере их появления на свет в последние несколько лет, я глубоко благодарен Энн Кэйсмент, Лионелл Корбетт, Даниле Креспи, Дейлу Кушнеру, Элеоноре Лер, Дону Макнэйру, Жан Мариан, Роберту Муру Эндрю Сэмюэлсу и Робину Ван Лобин Селе. Поддержка моего партнера по «Хирону» Натана Шварц-Саланта была постоянной и ободряющей. Моя жена Жан терпеливо и многострадально смирялась с тем, что я проводил долгие часы перед компьютером. Мне хотелось бы также поблагодарить Эммануэль Кеннеди за приглашение принять участие в симпозиуме Цюрихского психологического клуба в 2005 году. Это дало мне возможность для презентации проекта, а доклад, прочитанный там, составляет основу вступления. Большая часть глав уже появлялась в других изданиях, но для этой книги я их существенно переработал.

Предисловие к русскому переводу

Тема глубокого психологического изменения, особенно во взрослом возрасте, продолжает привлекать меня и сейчас, после почти сорока лет практики в качестве юнгианского аналитика. Все больше я убеждаюсь в том, что те люди, которым ведомо что-то о смысле и динамике этого процесса, чувствуют себя во времена кризиса лучше тех, кого последний застал врасплох. Цель этой книги – помочь понять смысл психологического и духовного развития на всех стадиях жизненного пути.

С юнгианской точки зрения психологическое развитие – это процесс длиною в жизнь. Много изысканий было посвящено раннему развитию, где в фокусе внимания оказывалась диада *мать-ребенок*. Важность ранних привязанностей подчеркивалась в многочисленных трудах, где исследовались негативные и психопатологические последствия неполных или неадекватных связей, определяющих суть развития (как это бывает в случаях пограничных личностных расстройств и других расстройств характера). Подростковый возраст тоже не был обойден вниманием, Формирование личной идентичности во время этой фазы жизни, похоже, определяет основной смысл перемен, испытываемых и переживаемых в это время. Что касается середины жизни, то здесь фокус развития приходится на фундаментальный сдвиг установок – от идентичности эго к идентичности Самости. Если эта трансформация не проходит гладко, то результатом становится горькая, исполненная раздражения вторая половина жизни. Положительный результат в середине жизни сулит увеличение продуктивных способностей, мудрость и прозрение в трансцендентные аспекты сознания в старости.

На каждой стадии развития целью трансформации является дальнейшее развертывание потенциала индивидуальности. Индивидуальность следует понимать иначе, чем индивидуализм: последний чаще всего предполагает нарциссическое чувство важности самого себя и отход от ценностей сообщества и от кооперации. Индивидуация (термин, указывающий на развитие в течение всей жизни) движется вперед по кривой, спиралеобразно, начиная с зародышевого состояния, в котором личность по большей части потенциальна, к более полному выражению личности внутри семейного и культурного контекста жизни. На своих поздних стадиях она обретает более глубокие измерения, превосходящие семейные и культурные уровни и обнажающие универсальное в частном. Если целью первой половины жизни является развитие здорового эго, адекватно адаптированного к культуре и окружающей среде, то задача второй половины жизни – достичь чувства символического центра сознания за пределами границ эго. Трансформация середины жизни – ключевая точка перехода от одного к другому.

С большой радостью встречаю я выход этой книги на русском языке. Огромное удовольствие – представлять, что она найдет себе место в столь богатой и изысканной культуре.

*Мюррей Стайн, Цюрих,
апрель 2009 года*

Введение

Человек не творит свою личность, не может по собственной воле выбирать какой-то характер или своеобразие индивидуальности – во всяком случае делает это не в большей степени, чем создает свой физический облик, подбирая себе комплекцию, размер ноги и руки или черты лица. Так же и человеческие сообщества не формируют своих культурных предпочтений сознательным и рациональным образом. Большая часть того, что характерно для индивидуумов или сообществ, появляется на свет благодаря взаимодействию исторических факторов и определяющих обстоятельств – времени и места происхождения, генетического и культурного наследия. Вдобавок есть многочисленные синхронизмы, сопутствующие отдельным людям и группам на протяжении их кратких или невероятно долгих жизней. Джеймс Болдуин хорошо сказал об этом: «...человек не может, к несчастью, выдумать место причала, своих возлюбленных и друзей – или может сделать это не в большей степени, чем придумать своих родителей. Жизнь дает ему их, но и забирает, и очень трудно сказать жизни «Да». К этому можно добавить: человек не может выдумать своей идентичности или личного стиля. Кто мы такие как индивидуумы – это, в конечном итоге, оказывается результатом сложного переплетения данных, сгруппированных в психологический «объект», называемый Я, обладающий специфической сознательной идентичностью и переплетением комбинаций бессознательных содержаний. Человеческий опус – работа, которую мы как индивидуумы и в определенной степени как сообщества *можем* сделать и в которую мы *можем* привнести различия – осознать, что нам дано либо через биологию, личную или коллективную историю, или бесконечно творческое бессознательное и развить это настолько хорошо, насколько мы способны. Делая это, мы приносим в существование измерение, которого раньше не существовало, – измерение сознания. Я подхватываю реплику К.Г. Юнга, который видел в этом человеческий вклад в универсум.

Центральное понятие, подлежащее исследованию в этой книге, – это принцип индивидуации и его отношение к труду становления сознательным и к развитию сознания. *Principium individuationis*¹ имеет долгую и сложную историю в философии (начиная со Средних веков и до Лейбница, Локка и Шопенгауэра); именно это выражение заимствовал К.Г. Юнг² и использовал его в своей психологической теории, придавая ему большое значение. В качестве психологической концепции это инструмент с двумя основными функциями: во-первых, он предлагает путь к пониманию и интерпретации изменений в индивидуальной и коллективной психике; во-вторых, предоставляет метод расширения и развития человеческого сознания в его максимально полном потенциале.

В качестве динамической силы индивидуация относится к врожденной тенденции – зовите ее влечением, импульсом или, как я называю в некоторых местах, императивом – заставляющим живое существо воплощаться во всей полноте, становиться подлинно собой внутри эмпирического мира пространства и времени, а если речь идет о людях, то полностью осознавать, кто они такие и что собой представляют. Природа человеческой самости и ее развитие в направлении большего сознания – крайне сложные предметы, составляющие две из числа основных тем глубинной психологии. Юнгианская психология содержит в себе обширную структуру смыкающихся теоретических идей и гипотез, дающих определение психологической реальности. В моей более ранней работе «Юнгианская карта души» я дал оценку

¹ Принцип индивидуации (лат.).

² В «Воспоминаниях, снах, размышлениях» Юнг пишет о понимании, пришедшем к нему во время путешествия в Африку: «В этот момент космологический смысл сознания открылся мне во всей полноте. «Quod natura relinquit imperfectum, ars perficit» (Что природа оставляет несовершенным, довершает искусство (лат.), – говорили алхимики. Невидимым актом творения человек придает миру завершенность, делая существование его объективным» (New York: Vintage Books, 1989, p. 255–256). – Рус. пер.: Юнг К.Г. Воспоминания, сны, размышления. Киев: Air Land, 1994. С. 253 (далее – BCP).

многим из этих базовых структур. В данной книге я перемещаюсь от карты к собственно путешествию, разбирая тему развития сознания; эта идея архетипична сама по себе и занимает центральное положение не только в психологии наших дней, но также и в духовных дисциплинах, историографии, биологии и многих других научных областях.

В юнгианской психологии процесс индивидуации – это не только базовое описание того, как личность формируется и насыщается содержанием во взрослом возрасте, как происходит в большей или меньшей степени аккумуляция биогенетических и психогенетических формаций и культурного влияния. Оставаясь на этом, индивидуация гораздо больше соотносилась бы с философией индивидуализма. Однако индивидуация толкает сознание и самореализацию за рамки того, на чем останавливаются нормальные процессы развития под управлением генов, психики и общества. В действительности индивидуация во многом противоположна индивидуализму, хотя на ранних фазах она может включать в себя и напоминать некоторые аспекты последнего. Еще более важно то, что это психологическое воспитание, требующее для продвижения вперед полного участия сознательной личности. По сути, индивидуация направлена на то, чтобы сдвинуть эго-сознание за рамки установившихся личностных черт, привычек и культурных установок (то есть характера и «личности») к гораздо более широкому горизонту самопонимания и целостности – безличному и соприкасающемуся с тем, на что часто ссылаются как на мировую душу – *anima mundi*. Индивидуация порождает расширение сознания за пределы личного – к архетипическому или не-личному. Юнг называл это *opus contra naturam*.³

Как и фрейдистский психоанализ, юнгианская психология стремится преодолеть вытеснение и вывести теневой аспект индивидуальной личности в сознание, а также разрушить привычное представление об эго как о стабильном и привилегированном центре душевного универсума. Однако, выходя за пределы психоанализа, она стремится создать постоянную связь с тем, что Юнг называл духом коллективного бессознательного. Это более глубокий уровень души, чем тот, что проявляется во взгляде эго-психологии. Подобный радикальный сдвиг требует активного психологического труда. Его конечная цель – это осознание и интеграция соматических, психологических и духовных уровней существа на индивидуальном и коллективном уровнях. Для того чтобы участвовать в этом большом человеческом начинании, индивидуум должен интегрировать некоторые фигуры и динамики коллективного бессознательного в гибкую сознательную идентичность, которая не подавляла бы для поддержания себя внутренне присущие коллективному бессознательному психические полярности, но скорее включала бы фигуры и энергии, постоянно поднимающиеся из глубин психики. Индивидуация – это динамический процесс длиною в жизнь.

В этой небольшой книге я пытаюсь в некоторой степени определить скрытый смысл этого процесса и говорить об индивидуации как о принципе. То есть я вижу в этом путь распознавания паттернов развития в постоянно меняющемся потоке сознания. В то же время работа предлагает метод углубления и обогащения внутренней тяги психики к воплощению. Конечно же, как и все так называемые инстинктивные требования, налагаемые на эго, это стремление может преломляться, отрицаться, подавляться или другими способами низводиться до статуса мелкого раздражителя, который, впрочем, время от времени становится столь необоримым, что человеку приходится приносить ему добровольную или не столь уж добровольную жертву. Однако отрицание императива индивидуации взыскивает свою цену, и иногда это само по себе становится самым важным фактором в жизни человека.

Кроме того, я буду рассматривать, как принцип индивидуации применяется по отношению к религиозной традиции и к политическим отношениям между культурами. Другими словами, я задаюсь вопросом, являются ли коллективы и организации также субъектами принципа индивидуации, когда они продвигаются вперед и начинают контактировать с Другим. Это

³ Деяние против природы (лат.).

довольно высокий уровень, и я полностью понимаю его масштаб. На мой взгляд, идея Юнга о долгосрочной эволюции человеческой психики, то есть понятие индивидуации, может быть полезно для размышлений о развитии сознания на многих уровнях – на личном психологическом, на социальном и общекультурном, на религиозном и на политическом, что включает в себя измерение международных отношений, экономики и глобализации.

Однако в фокусе моего внимания, прежде всего, остается индивидуальная личность. В первой главе я выношу на рассмотрение принцип индивидуации и ее методы, описывая ее основные черты и две большие части или фазы – аналитическую и синтетическую. Во второй главе я размышляю о роли нуминозного переживания в процессе индивидуации и различаю психологическую индивидуацию и духовное развитие, а также религиозный путь соединения с Богом и индивидуацию. В третьей главе я рассматриваю малоизвестную сказку братьев Гримм «Белая змея», иллюстрируя важность инициации для индивидуации и разъясняя на этом примере некоторые специфические черты индивидуационного путешествия. Четвертая глава сосредоточена на женской психологии, и в ней на примере сказки братьев Гримм «Лесная старуха» обсуждается значение осознания состояний одержимости как части процесса индивидуации. В пятой главе я обращаюсь к греческому мифу и рассматриваю хромого бога Гефеста как фигуру, представляющую борьбу с личными и культурными комплексами, которые должны быть задействованы для высвобождения творческого потенциала и достижения цели индивидуации. В шестой главе я описываю особого рода психическое пространство, позволяющее индивидуальной личности перевести работу на более глубокий уровень. Для разговора об этом я взываю к духу греческого бога Гермеса, мифологема которого указывает этот путь. И затем я размышляю о том, как индивидуумы могут помочь традициям сдвинуться к дальнейшему развитию и как раскрыть свои потенциальные возможности для коллективного сознания. Наконец, я делюсь некоторыми наблюдениями над увлекательной динамикой, проявляющейся среди столь разных культур Северной и Южной Америки по мере того, как мир сжимается, а культурные шаблоны сталкиваются, вбрасывая в общий хаос и путаницу новые структуры.

И при всем при том я хочу подчеркнуть, что юнгианская психология – это впередсмотрящая психология. Хотя в аналитических целях нужно пристально, в деталях исследовать прошлое, теория как таковая основательно настроена на конфликты настоящего и потенциально возможного во имя будущего. Индивидуация – это императив, который толкает нас вперед и, если она проходит успешно, высвобождает нас из ловушки постоянно повторяющихся паттернов, которые обуславливают наше состояние. Фундаментальное убеждение состоит в том, что люди эволюционируют в своем сознании индивидуально и коллективно и что мы можем участвовать в этом процессе и придавать ему энергию абсолютно особым образом, если мы только будем знать, как это делать. Поскольку на данный момент я не могу дать готовых рецептов, я надеюсь поделиться некими подсказками, которые могут оказаться полезными.

Глава 1

Двойное движение индивидуации

Философ Мартин Бубер в интервью, взятом у него американским психологом Карлом Роджерсом, отметил распространенное непонимание концепции Карла Юнга об индивидуации. В обмене мнениями перед студентами Мичиганского университета Бубер провоцировал Роджерса, резко нападая на него за употребление термина «личность», а потом продолжил в том же духе, высказывая свое несогласие с Юнгом:

«Вы говорите о личности, а понятие «личности» очень близко понятию «индивидуальности». Полагаю, что необходимо все же различать их. Индивидуальность представляет собой определенную уникальность человеческого существа... Это то, что Юнг называл «индивидуацией». Оно может все более и более становиться индивидуальностью, не становясь при этом более *человечным*. Мне известно множество людей, ставших очень-очень индивидуальными, в высшей степени отличными от других, очень развитыми в их *самобытности*, вовсе при этом не являясь тем, что бы мне хотелось назвать человеком... Личность – это, я сказал бы, индивид, действительно живущий с миром, я не имею в виду *в мире*, именно в реальном контакте, в действительной *взаимности* с миром во всех точках, где мир может встречать человека... Я *против* индивида и *за* личность».⁴

Бубер неверно истолковал концепцию Юнга об индивидуации как простое утверждение и углубление заданной структуры характера во времени.

Проект индивидуации, представленный Юнгом во множестве работ, будучи далек от того рода душевного укрепления, о котором говорит здесь Бубер, оказывается намного более сложным и, по сути, имеет дело с тем, чтобы пролить свет во тьму психологической жизни и интегрировать различные полярности и напряжения, обнаруженные там. Это проект подъема и развития сознания, если сформулировать его простейшим из возможных способов. Что влечет за собой формирование сознательных отношений к различным аспектам личности не путем дальнейшей идентификации с наиболее выдающимися чертами, как понял бы Бубер, но, скорее, путем максимального удерживания их всех в сознании как раз без такой идентификации. Если этот проект и направлен в какую-то сторону, то как раз в противоположную тому, что понимает Бубер под индивидуацией в вышеизложенном пассаже. Сильный акцент Бубера на контакте в мире, широко известный как отношения Я – Ты,⁵ вовсе не исключен в индивидуации, как я покажу. В действительности процесс индивидуации делает такие отношения возможными в более полной степени, чем это происходило бы без нее. Как я продемонстрирую на примерах, отношения Я – Ты включены в индивидуацию, хотя и не в том исключительно экстравертном виде, который описывает Бубер в своих работах.

Проект индивидуации, мыслящийся как опус длиною в жизнь, как я докажу, основывается на врожденном психологическом императиве, который волей-неволей стремится к расширению сознания. Здоровье и рост не в большей степени факультативны для психологической сферы, чем для физической. У психики есть свои требования, так же как у сомы – свои. Разу-

⁴ Anderson R. and Cissna K., eds. The Martin Buber-Carl Rogers Dialogue. Albany, NY: State University of New York Press, 1997. P. 103–104. Рус. пер.: Бубер Мартин – Роджерс Карл: диалог // Московский психиатрический журнал, 1994. № 4.

⁵ См. работу Бубера: I and Thou (1923) London and New York: Continuum, 2004 trans. Ronald Gregor Smith. – Рус. пер.: Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 16–91.

меется, человек может сделать выбор и в пользу болезни, физической или психологической, и многие это делают по причинам, выходящим за рамки их разумения.

Как подчеркивал Юнг и как я буду объяснять в этой главе, процесс индивидуации взрослых людей⁶ происходит в двух основных направлениях. Первое имеет отношение к дифференциации бессознательного в анализе. Алхимики называли бы этот шаг *separatio*.⁷ Подобная аналитическая сепарация включает расчленение выкованной человеком идентичности, отделение ее как от фигур и содержаний, имеющих изначальную основу во внепсихической реальности (то есть в других людях и объектах), так и тех, что укоренены в первую очередь в самой психике (так называемые внутренние фигуры, о которых речь пойдет позже). Этот шаг дезидентификации приводит к созданию более прозрачного сознания, чистого зеркала. Второе направление, вступающее в игру одновременно, требует постоянного и пристального внимания к проявлению архетипических образов коллективного бессознательного, возникающих в снах, активном воображении и синхронистических событиях. Этот шаг включает привнесение этого нового материала в модели сознательного функционирования и в ежедневную жизнь. Это синтетическое движение (в алхимической терминологии – *coniunctio*⁸), можно представить как осторожное прислушивание к духу бессознательного и сознательное интегрирование его содержаний. Оба направления одинаково важны, и индивидуация не может достичь своего полного потенциала без одного из них.

Стало быть, с одной стороны, индивидуация требует борьбы с собственным характером и некоторого дистанцирования от него. С другой стороны, она помогает вновь проявляющимся чертам психики прийти в сознание и вызывает к интеграции этих черт в новое целое. Другими словами, это означает возможность объять все аспекты Самости с определенным принятием и уважением. Юнгианская психология предлагает метод удержания парадоксов психики в сознании и способы взаимодействия с их сложностью.

Аналитическое движение (separatio)

Я начну с аналитического аспекта индивидуации. В ответе на вопрос о переживании Атмана (Самости) Юнг заметил:

«Анализ <...> это, прежде всего, редукция. Это анализ вашей установки. Вы должны осознать большое количество сопротивлений и других личных моментов, вытесняющих вашу изначальную психическую деятельность или ваши психологические процессы. Все эти запреты оказываются множеством загрязнений, и сначала ваш ум должен быть очищен, прежде чем сможет начаться психологический процесс трансформации».⁹

Первый шаг индивидуации имеет отношение к очищению психики от ее бессознательных идентификаций. Это редукция.

В качестве введения позвольте мне предложить краткий исторический экскурс в концепцию Юнга об индивидуации. Основа ее философская в той же мере, как и психологическая.

⁶ В этой работе я обращаюсь к индивидуации только взрослых людей, не детей, хотя и делаю иногда замечания о некоторых вопросах детского развития. Чтобы ознакомиться с юнгианским взглядом на процессы индивидуации в младенчестве и детстве, основанным на работах Майкла Фордхэма и его последователей, см. прекрасный доклад Элизабет Урбан: Фордхэм, Юнг и Самость: пересмотр вклада Фордхэма в юнговскую концепцию Самости // *Journal of Analytical Psychology* 50 (5): 571–594.

⁷ Разделение (лат.).

⁸ Соединение (лат.).

⁹ Jung C.G. *The Psychology of Kundalini Yoga: Notes of the Seminar Given in 1932 by C.G.Jung*. Princeton, NJ: Princeton, University Press, 1996, P. 91.

Одно из первых появлений термина «индивидуация» в работах Юнга восходит к чрезвычайно необычному тексту 1916 года под латинским названием «*Septem Sermones ad Mortuos*» («Семь проповедей мертвецам»).¹⁰ Эта работа, как принято считать, содержит в себе самую раннюю версию психологической теории Юнга об индивидуации, хотя и изложенную в мистической и философской форме. Содержание этого текста, как объясняет Юнг в «Воспоминаниях, снах, размышлениях» (ВСП), пришло к нему в состоянии транса и было «продиктовано» ему неким Василидом из Александрии. Книга появилась на свет в течение нескольких дней во время его интенсивнейшей внутренней работы (годы «конфронтации с бессознательным», как он называет этот период в «ВСП»), результаты которой отражены в знаменитой «Красной Книге».¹¹

В «*Septem Sermones*» Василид утверждает, что *principium individuationis* является сутью сотворенных вещей (*creaturd*) и отделяет *creatura*¹² от *pleroma*¹³. Для индивидуального человеческого существа (то есть *creaturd*) процесс обособления и отграничения от целого оказывается вопросом жизни и смерти:

«Вы станете вопрошать: А что плохого станется, если не отличать себя?

Не отличая, угодим мы за пределы своей сущности, за пределы Творения, и низвергнемся в неотличимость, а она есть иное свойство Плеромы. Мы низвергнемся в саму Плерому и перестанем быть Творением, себя обрекая растворению в Ничто.

А это смерть Творению. Мы, стало быть, умрем в той мере, в каковой не станем отличать. Оттого-то естественное устремление Творения направлено к отличимости противу изначальной опасной тождественности. Имя тому устремлению – *PRINCIPIUM INDIVIDUATIONIS*. Тот принцип есть сущность Творения. Из чего можно усмотреть, почему неотличимость и неотличение являют собой великую опасность для Творения».¹⁴

Вкратце принцип индивидуации определяет некую суть человеческого существа. Это абсолютный, базовый импульс человеческого субъекта – отличать себя от окружения. Это и есть индивидуация, по крайней мере, частично, и энергия на ее осуществление – данность человеческого сознания. По мере становления личностью человек с необходимостью должен создавать различия и отделения. Стремление к специфичности, к становлению тем, кто ты есть по природе, укоренено в самом естестве человеческого сознания. Следовательно, стремиться к индивидуации – значит находиться в согласии с человеческой природой. Движение по направлению к индивидуации не есть лишь одна из возможностей, не обусловлено и не определяется культурными различиями. Это данность, хотя, разумеется, многие люди игнорируют ее, подавляют ее и коверкают себя, запутываясь в попытках отрицать ее присутствие из страха показаться неконформистами или того, что в них будут видеть «иных».

Pleroma, в отличие от индивида (*creaturd*), есть Всей Ничто. Она содержит все возможные психологические «качества», но без всякого различия или отделения их от всего другого. Это первичная психическая *материя*, Великая Мать, матрица, из которой появляется все, что когда-либо может обрести сознание. Фундаментальный принцип *pleroma* – вовлечение без различия. Вне этого, над этим и против этого – возникающее сознание отдельного индивидуума, чья сущностная природа есть различенность и чей основной импульс – достичь индивидуального сознания, то есть чувства уникальности, требующего отделения и постоянного проведе-

¹⁰ Этот текст включен в качестве приложения и в английский, и в русские переводы «Воспоминаний, снов, размышлений».

¹¹ Эта работа готовится к публикации [в 2009 г.].

¹² Творение, создание (лат.).

¹³ Полнота, переизбыток (лат.).

¹⁴ Юнг К.Г. ВСП. С. 357.

ния различий между Я и не-Я: не это, не то, но нечто другое, нечто обособленное и уникальное. В процессе достижения этого человек обнаруживает (или, возможно, создает) парадокс сложности, то есть психологические противоположности. Контрастирующие пары качеств создаются как проведенные различия: вверх и вниз, назад и вперед, красота и уродство, мужское и женское, добро и зло, время и пространство и т. д. Обретая видимость и ясность, они ведут за собой отождествление и предпочтение. Индивидуальная личность тянется к идентификации с одной стороной пары и старается держаться подальше от другой. Таким путем достигается первая стадия определенности, и Я и Другой начинают существовать как пары противоположностей. Создается тень. Здесь рождается также и иллюзия различности, ибо, хотя это и шаг в направлении индивидуации, это еще не подлинная сущность, потому что качества, с которыми человек идентифицируется, коллективны. Это еще не индивидуальность. Она еще должна появиться.

Этот ранний этап процесса индивидуации базируется на формировании состояния психологической идентичности с некоторыми качествами, выделившимися из состояния плеромы. Некоторым образом выделенная, но все еще коллективная «личность» и «характер» начинают существовать. Можно задуматься в этой связи о том, что Эрик Эриксон описывает как формирование идентичности в подростковом возрасте. Психологическая персона начертана и воспринимается как способ адаптации к специфическим требованиям данного культурного окружения. Позже однако, обычно к середине жизни, индивидуация требует, чтобы человек отделился от коллективных качеств, с которыми идентифицировался, поскольку:

«Свойства причастны плероме, для нас же возможно и должно жить в обладании ими лишь во имя отличимости и под ее знаком. Нам должно отличать себя от тех свойств. В плероме они упраздняют себя, в нас же нет. Отличаемость от них спасает».¹⁵

Продолжается работа по сепарации, но сейчас она идет на гораздо более глубоком уровне. Сознание теперь занято различием между индивидуальным и теми самыми качествами, которые принимались за собственное Я, которые стали самыми основными привязанностями человека, его ценностями и убеждениями. Категорическое требование индивидуации – вернуться к собственной природе, к подлинной собственной сути. («Посему не должно вам устремляться к различению, как вы о том помышляете, но к ВАШЕЙ СУЩНОСТИ»¹⁶). И это стремление навстречу собственному индивидуальному существу – самая главная работа, продолжающаяся до конца жизни.

В 1916 году Юнг вновь берется за тему: что же значит стать индивидуумом – на этот раз он делает это не в мифопоэтической манере, а более прозаичным способом: в лекции, прочитанной в Ассоциации аналитической психологии. На немецком эта работа была озаглавлена «Uber das Unbewusste und seine Inhalte», тогда как в английском переводе она называется «Структура бессознательного».¹⁷ Здесь впервые он развивает понятие персоны и то, как она построена – как компромисс между индивидуальным и коллективным. Персона строится, говорит он, из фрагментов коллективного, с которыми идентифицируется эго и чьи функции заключаются в облегчении адаптации к социуму. Фактически персона – это «сегмент коллективной психики»,¹⁸ но она симулирует индивидуальность. Следовательно, ее существование может оказаться тонким врагом индивидуации, если она не стала сознательной «маской»: «Люди обла- дают одной способностью, которая, хотя и являет собой величайшую пользу для коллективных

¹⁵ Там же. С. 358.

¹⁶ Там же. С. 358.

¹⁷ Jung C.G. The Structure of the Unconscious (1916) // CW. Vol. 7. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967. Pars. 442–521.

¹⁸ Там же. Pars. 464–470.

целей, весьма пагубна для индивидуации; это способность к имитации».¹⁹ Она же – основание для вербовки солдат и молодых террористов. Их побуждают притворяться героями и обещают в награду геройские почести при погребении в случае гибели в бою.

Именно эта склонность к имитации в ущерб индивидуации привела Юнга к столь негативному отношению к институтам и учебным программам, учреждаемым под его именем и обучающим аналитической психологии. «Слава богу, я Юнг, а не юнгианец» – такова одна из его самых знаменитых реплик, указывающая на желчное отношение к людям, формирующим персону лишь путем отождествления с его идеями и методами и пренебрегающим внутренней работой, которой требует императив индивидуации. Подобное поведение в результате не дает ничего, кроме множества пустых масок, считал он, посредством которых его изначальные идеи могут превратиться в стереотипы и предписания. Когда Джозеф Уилрайт рассказал Юнгу об открытии учебной программы в Сан-Франциско, то Юнг, по словам Уилрайта, уставился на него, словно бы «на него наехал грузовик». И на слова Уилрайта: «Я вижу, вы и вправду не хотите ничего слышать об этом» – ответил: «По правде говоря, в голову не приходит ничего, о чем я хотел бы слышать меньше».²⁰ У Юнга совершенно явно была аллергия на подражателей. Слава богу, что это не превратилось в правило, и люди все же изучают методы Юнга и проходят учебный анализ.

С другой стороны, нужно признать, что формирование бессознательных привязанностей и создание уз, основанных на отождествлении со значимыми людьми из непосредственного окружения, – совершенно нормальные аспекты психологического развития. Младенцы привязываются к своим матерям и вступают в состояние идентичности с теми, кто о них непосредственно заботится. У этого процесса есть архетипическая основа, и он составляет ведущую форму общения между матерью и младенцем по бессознательным каналам, стимулирующим эмпатию и взаимность (см. великолепное обсуждение связей между теорией привязанности и архетипической теорией в работе Жана Нокса). Младенец может указывать матери на свои потребности и чувства невербальным способом, который мать понимает в силу глубокой привязанности к нему. Это начинается в утробе посредством настройки сензитивной матери на эмбрион. Позже ребенок сформирует сходные отношения и с другими членами семьи и, в конце концов, с соседями, родом, школой, городом и нацией. Со всеми этими элементами развивающаяся личность вступает в то, что Юнг вслед за французским социологом Люсьеном Леви-Брюлем называл *participation mystique*.²¹ Через обретение такого типа человеческой идентичности установка коллективной психики обретает голос. По мере того как человек становится честным гражданином, любящим сыном или дочерью или преданным членом церкви, школы и государства, надежным работником, мужем или женой, отцом или матерью, этичным профессионалом, окружающие люди уверяются в том, что он достоин доверия и, стало быть, высоко оценивают его (или ее). Такие люди явно выступают от лица семьи, сообщества, нации или даже от лица всего человечества, но не от своего. Если лица, обретшие столь добросовестную и стойкую персону, остаются бессознательными в отношении своей подлинной индивидуальности, то эта индивидуальность остается нераскрытой, и они превращаются в простой рупор коллективной установки, с которой они отождествились. И хотя это до известной степени служит интересам человека, потому что, в конце концов, каждому нужно адаптироваться к обществу и культуре и потому что хорошо сформированная персона оказывается явным преимуществом в практических целях выживания и социального успеха, – совершенно ясно, что это не является целью индивидуации. Это лишь подготовительная стадия процесса индивидуации.

¹⁹ Там же. Par. 463.

²⁰ Shamdasani S. Introduction to C.G.Jung, The Psychology of Kundalini Yoga. P. 345.

²¹ Мистическая сопричастность (франц.).

Вполне понятно, что у людей есть искушение здесь остановиться, поскольку создание мягкой и хорошо функционирующей персоны не такая уж легкая вещь. Если принять во внимание всю психологическую работу, которая должна быть проделана и завершена для того, чтобы добиться социальной идентичности, а также найти способ приспособления к жизни в определенном времени, то, как только все это достигнуто, естественным кажется вопрос: почему бы не расслабиться и не насладиться плодами своих трудов? Однако Юнг завершил свой доклад 1916 года утверждением о том, что индивидуация – «это принцип, который делает возможной, а *при необходимости и вынуждает* появиться прогрессирующую дифференциацию от коллективной психики». ²² Индивидуация – это природная сила, на взгляд Юнга, столь же сильная и настойчивая, как сексуальный инстинкт и воля к власти, так что просто не существует возможности решать, не стоит ли сделать привал в психологическом развитии и почтить на лаврах, как только достигнута адаптация. Не будучи избранным сознательно, импульс к индивидуации будет принуждать к странным поворотам и изгибам жизненного пути, поскольку он настаивает на индивидуальности в самых неожиданных местах и в самое неподходящее время. Юнг видел в конфликтах такого рода распространенный источник неврозов и несчастия во второй половине жизни.

В то же время, когда Юнг сочинял два цитируемых мной текста, он работал также над «Психологическими типами», ²³ продумывать которые он начал в период своего разрыва с Фрейдом около 1913 года, но завершить и опубликовать которые не мог до 1921. «Психологические типы» – объемный том, в котором рассматривается теория типичных различий между людьми в отношении подходов к переживанию и толкованию феноменального мира; эта работа представляет собой совокупность психологических инсайтов и представлений Юнга на тот момент. В заключительной главе он определяет «индивидуацию» как «процесс дифференциации, целью которого является развитие индивидуальной личности». ²⁴ Противоположен этому психологический феномен «идентичности (тождества)»:

«...представляющее собой характерное свойство примитивного уклада души и постоянную основу *«мистического соучастия»*, которая есть... пережиток изначальной психологической неразличенности субъекта и объекта... характерной для душевного состояния раннего детства, и ... бессознательного цивилизованного взрослого, которое, поскольку оно не стало содержанием сознания, остается в состоянии тождества с объектами». ²⁵

Идентичность (тождество), говорит он, «зависит от способности к проекции и интроекции». ²⁶ Из этого утверждения мы можем заключить, что Юнг видел в индивидуации долгий, длиною в жизнь процесс очищения и доведения до сознания огромного количества бессознательного материала – всех интроекции и идентификаций в бессознательном отождествлении с объектами и людьми, которые накопились на протяжении жизни. Стало быть, императив индивидуации никогда не доходит до момента, когда можно сказать: «Все сделано». Это постоянный опус, который никогда не завершается, никогда не достигает полноты.

Наряду с идентификацией с личными элементами, составляющими персону, есть еще одно и, возможно, еще более трудное (в силу того, что оно более тонкое) препятствие индивидуации, которое необходимо преодолеть – идентификация с архетипическими фигурами коллективного бессознательного. В процессе самоанализа Юнг обнаружил всю суровость этой второй угрозы индивидуации. Как только персона проанализирована и отделена, утверждает

²² Jung C.G. The Structure of the Unconscious, par. 514 (курсив М. Стайна).

²³ Jung C.G. CW. Vol. 6.

²⁴ Там же. Par. 757.

²⁵ Там же. Par. 741. – Рус. пер.: Юнг К.Г. Психологические типы. СПб. – М.: Ювента-Прогресс-Универс, 1995. С. 566.

²⁶ Там же. Ср. в изданном рус. переводе: «...на нем [тождестве] покоится и возможность проекции и интроекции».

он в вышеупомянутом докладе 1916 года, образы коллективного бессознательного всплывают на поверхность и предлагают себя для идентификации. (Стоит добавить, что это может случиться, и если человек предварительно не сформировал подходящую психологически адаптированную персону, так что в силу компенсаторных потребностей персону будет создана из грандиозных архетипических образов, таких как герой, спасатель, дьявол и т. д. Фильм «Дон Жуан де Марко» с Джонни Деппом и Марлоном Брандо блестяще показывает такую динамику.) Если человек поддается этому искушению, результатом становится психологическая инфляция (состояние грандиозности, названное Юнгом «мана-личностью»). Человек оказывается убежденным в том, что он пророк или мудрец, герой или демонический любовник, Великая Мать или Отец или какая-то другая фигура мифологического масштаба, и идентичность формируется из психологического содержания, являющегося архетипическим. Убедительной иллюстрацией к точно такому состоянию был для Юнга случай Ницше, идентифицировавшегося с архетипической фигурой Заратустры и подвергшегося в результате инфляции.²⁷ Но эта новая идентичность опирается на коллективное постольку, поскольку составляющие ее элементы воспроизводят обычную психосоциальную персону, и ее образование в равной степени оппозиционно индивидуальности и процессу индивидуации. Во имя индивидуации отождествление с фигурами, предлагающими себя из коллективного бессознательного, должно быть проанализировано столь же активно, сколь и идентичность с психосоциальной персоной. Бред величия – вот результат, которого добивается человек, не справившийся с этой задачей. Безусловно, иногда эти архетипические сущности оказывают мощное влияние на окружение, как было в случае Жанны д'Арк, отождествившейся с героическим анимусом спасителя. Сходным образом женщины, не умеющие расстаться с идентификацией с мощным архетипом матери, продолжают компульсивно вскармливать детей до конца дней своих и не способны сепарироваться от них и от внуков и дать тем прожить их собственные жизни и обрести собственную индивидуальность.

Именно эта проблема встала перед Юнгом после его разрыва с Фрейдом и отказа от персоны психоаналитика, первого президента Международной психоаналитической ассоциации, издателя альманаха «Jahrbuch» и университетского профессора. В то время его тянуло в мир архетипических образов, он вступил в тот период своей жизни, о котором позже в «Воспоминаниях, снах, размышлениях» говорил как о «конфронтации с бессознательным». Задача индивидуации для него в то время стала задачей по дифференциации его собственной уникальной личности от архетипических образов, предлагавших себя в качестве суррогатов индивидуальности.

Психологическая структура, сопряженная с коллективным бессознательным внутри и соответствующая персоне, связанной с социальным коллективным миром вокруг, – это анима/анимус. Юнг тогда (в 1916 году) только начинал идентифицировать этот фактор, который он впоследствии назвал «сигизмией».²⁸ Опасность, как ее, похоже, ощущал Юнг в то время, заключалась в том, что можно отождествиться с образами, предлагаемыми этой бессознательной фигурой, в его случае являющейся ему в качестве внутреннего женского голоса: «Ты великий Художник в потенциале! Ты выдающийся и непонятый Гений! Ты – великий герой Зигфрид под маской! Ты спаситель, которому пришло время открыться! Ты – Митраистский бог Эон», и т. д. Принятие такого рода иллюзорной идентичности фатально для индивидуации, как наглядно показал Юнг на семинаре в 1925 году:

«Чем больше эти образы приходят к вам и оказываются непонятыми, тем больше вы оказываетесь в обществе богов или, если хотите, в лунатическом

²⁷ См.: Jung's Seminar, Nietzsche's Zarathustra (1934–1939), ed. James L. Jarrett. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988.

²⁸ См. Jung C.G. Aion (1951) // CW. Vol. 9ii. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1968. Chapter 3.

обществе; вы больше не среди людей и не можете выразить себя. Только когда вы можете сказать: «Этот образ такой-то и такой-то», только тогда вы остаетесь в человеческом обществе. Любой может быть захвачен подобными вещами и затеряться в них – некоторые отбрасывают это переживание, говоря, что все это чепуха и, таким образом, утрачивают самое ценное, поскольку это творческие образы. Другой идентифицирует себя с образами и становится безумцем или дураком».²⁹

Так что ему пришлось отвергнуть предлагавшиеся идентичности и остаться укорененным в своей швейцарской жизни в качестве обычного человека XX века со своей особенной историей. Архетипы внеисторичны и безвременны, и идентифицироваться с ними – значит утратить свои специфические корни в пространстве и во времени. В качестве универсальных психических образов они говорят от лица общих и идеальных аспектов существования.

Урок, на взгляд Юнга, заключается в том, что опус индивидуации, являющийся, как мы уже видели ранее, психологическим императивом, требует редуктивного анализа на двух фронтах: со стороны персоны он восходит к дифференциации себя от психосоциальной персоны и к растворению идентичности, выстроенной в личной истории на протяжении определенного времени; со стороны сизигии он требует дифференциации себя от возникающих архетипических образов и фантазий и неизбежно следующей за ними в качестве компенсации того, что было потеряно в процессе анализа персоны, грандиозной идентификации.

В том важном фрагменте из статьи 1916 года, который я цитировал, Юнг определяет, что он имеет в виду под «индивидуальностью»:

«Коллективное психическое следует противопоставить... понятию *индивидуальности*. Индивид и так находится между сознательной частью коллективного психического и бессознательной его частью. Он есть *отражающая поверхность*, в которой мир сознания может воспринять свой собственный бессознательный, исторический образ, точно по Шопенгауэру, который говорит, что интеллект предоставляет зеркало всеобщей Воли. Соответственно, индивид будет точкой пересечения или разделительной линией, ни сознательной, ни бессознательной, но имеющей понемногу и от того, и от другого».³⁰

Этот аспект опуса индивидуации можно представить себе как трансформацию картины маслом в зеркало, чтобы стало понятно, что содержимое в рамке не вечно, но временно. Оно появляется и исчезает в соответствии с ситуативной необходимостью. Это приводит к сдвигу сознания, к способности видеть сквозь фиксированную личность и позволить ей входить в поле зрения и покидать его, не цепляясь за такую личность и не пытаясь превратить сцену, лишь временно отраженную сознанием, во что-то вечное. Дифференциация собственного сознания от образов, предложенных сизигией (анимой/анимусом), с одной стороны, и от социальной идентичности персоны – с другой, создает зеркало, которое с большей точностью отражает все, что проходит перед ним. Как следствие, в сознании будет гораздо меньше проекций и искажений, и объекты будут видаться с большей ясностью и соотноситься с тем, чем они доподлинно являются. Подлинные близкие отношения Я и Ты теперь становятся возможны.

²⁹ Jung C.G. Analytical Psychology: Notes of the Seminar Given in 1925. William McGuire. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989. P. 99.

³⁰ Jung C.G. The structure of the Unconscious. Par. 507 (курсив М. Стайна).

Синтетическое движение (coniunctio)

Когда мне было за сорок, женщина старше меня примерно на двадцать пять лет пришла с просьбой взять ее в анализ. Я до сих пор помню слова, которые она произнесла на первой сессии: «Со времен моей молодости, с тех пор как моя мама проходила анализ у Юнга, я помню то, что она мне говорила об этом. Она сказала, что продолжать расти можно до тех пор, пока живешь. Это было мнение Юнга. Вот почему я – юнгианка и почему я хочу начать анализ сейчас, даже в таком пожилом возрасте».

Я взял Сару³¹ в анализ, и мы работали (с перерывами) почти пятнадцать лет, пока ей не стало далеко за восемьдесят. Мы жили в нескольких сотнях миль друг от друга, и она приезжала ко мне несколько раз в год на неделю, чтобы мы могли встречаться каждый день. И она продолжала свой рост. Она научила меня тому, что императив индивидуации никогда не прекращается и что работа никогда не заканчивается.

Поскольку процесс индивидуации во многом являет собой «состругивание» персоны и демонтаж идентичности, то резонно спросить: что же тогда растет? В конце концов нас, аналитиков, чаще всего называют «специалистами по усушке»,³² а не «растениеводами» или «садовниками»! Пока я говорил только о редукции и об очистке зеркала сознания. Можно счесть, что это некая буддистская черта индивидуации, в которой пустота и ничто являются целью и венцом стремлений. И в этом смысле Сара, начав анализ и интенсивно размышляя над своей историей, анализируя свои паттерны и идентификации, стала меньше привязана к своей персоне и в меньшей степени управляема своим анимусом. В каком-то смысле ее психологический размер уменьшился, по крайней мере, в одном измерении. Это своего рода негативный рост, если хотите. Ей пришлось столкнуться с кризисом утраты уверенности в себе как в высоко-развитой и рафинированной социальной личности, она также не могла больше доверять своим неисследованным убеждениям и мнениям «учителя» и «эксперта» в многочисленных вопросах (своей анимусной идентичности). В этих личностных качествах и чертах она обнаружила тень. Анализ стал шоком. По мере того как четкий и неизменный портрет постепенно превращался в отражающее, пустое и безличное зеркало, она чувствовала себя все более неустойчиво. Это состояние, которое в своей книге «Середина жизни», описывающей возможную трансформацию сознания в середине жизни, я называю «лиминальностью» («пороговостью»). Лиминальность – неизбежная черта трансформации, когда бы та ни происходила. Термин относится к периоду неуверенности, иногда длящемуся годы, к пребыванию «между» затвердевшими идентичностями, к тому времени, когда движешься без определенного направления. Но как только зеркало становится чистым, можно разглядеть себя яснее и, вероятно, впервые в жизни; это дает новый центр тяжести и стабильности. Открытие того, что собственное внутреннее равновесие не зависит от твердого содержания и установок – важный аспект роста, происходящего в процессе индивидуации. Он прежде всего означает интеграцию тени и увеличение самосознания, то есть признание ограничений собственного характера и осознание своих изъянов, равно как и восхищение милыми чертами, время от времени выходящими на передний план. В той степени, в какой человек освобождается от навязанных персоной и сизигией идентичностей, он освобождается и от компульсивного повторения прошлых паттернов. Эти идентичности и формирования, свидетельствующие о долгой и сложной истории, и тревожная привязанность к ним со стороны эго препятствуют росту личности и приобретению более широкого жизненного опыта. На этом этапе анализа Сара поняла свои непосредственные личностные границы

³¹ Имя вымышленное по соображениям конфиденциальности.

³² Игра слов: *slink* в американском английском – «усадка», «усушка», а также «психиатр» или «психоаналитик». – Прим. пер.

более ясно, потому что она уже не проецировала себя на других в прежней степени, и в результате стала более определенной личностью, смогла действовать от лица своей вновь завоеванной свободы. Она смогла произносить «да-а» и «не-т» с большей уверенностью и ясностью. К примеру, она отдала своим детям часть наследства, но без всякого чувства вины оставила и себе достаточно для того, чтобы прожить спокойно остаток дней. Смогла самоутвердиться в кругу друзей и членов семьи, а не жить постоянно в состоянии смятения, отдавая то ли слишком много, то ли слишком мало.

Добываясь свободы от прошлого и начав жить более полноценно в настоящем, человек начинает также больше внимания уделять бессознательному в его связи с настоящим моментом. Великое озарение Юнга об отношении бессознательного к сознанию заключалось в том, что это не просто затаенное прошлое в настоящем, как считал Фрейд, в форме вытесненного материала старых комплексов, травм, инфантильной сексуальности и т. д., но также и активное присутствие живого и вперед идущего духа «здесь и сейчас». И то, что открывается тебе, как только начнешь постигать эту динамику, оказывается чрезвычайно полезным для ориентирования в настоящем и будущем.

В цитируемом выше докладе 1916 года Юнг говорит об открытии, как он назвал это, «линии жизни»:

«Я убежден в том, что подлинное завершение анализа достигается только тогда, когда пациент получил адекватное знание о методах, которыми он может поддерживать контакт с бессознательным, и добился достаточного для себя психологического понимания, чтобы видеть *направление своей линии жизни на данный момент*».³³

Термин «линия жизни» намекает на то, что Юнг позднее назовет предполагаемой ориентацией бессознательного. Он строго различает линию жизни и адлеровскую концепцию «управляющих фикций», которые он находит слишком фиксированными и «заставляющими судорожно держаться их».³⁴ Линия жизни – это более изменчивая конструкция, созданная в данный момент, ценность которой в указании на «направление потоков либидо»³⁵ в его течении от настоящего к возможному будущему. Потоки либидо активны, постоянно смещаются и изменяются. Линия жизни, однако, намекает на то, что именно может разворачиваться и куда направлено либидо. Ориентация на будущее становится насущно важной для Юнговской мысли о бессознательном. Бессознательное не только содержит в себе прошлое, но также предваряет и будущее. Оно креативно в той же степени, что и консервативно. Это равновесие или напряжение сил выражает основную сложность индивидуации. Императив по направлению к индивидуации означает не только создание зеркала сознания, существенно освобожденного от прошлых идентичностей, но также и движение в только что возникшем направлении, и настаивание на этом как на личной судьбе. Индивидуация – это психическое движение.

Можно понять эту динамику следующим образом. Как активные люди мы погружены в широкий и зачастую бурный поток событий и переживаний, от рождения и на протяжении всей жизни окружающих нас ежедневно и часто угрожающих оказаться для нас чрезмерными, переполнить нас. Из этого более или менее случайного и неорганизованного потока жизненных переживаний и опытов мы частью сознательно, частью бессознательно выбираем тот опыт, который для нас лично значим, оставляя все остальное спокойно плыть себе к морю. Становясь более сознательными и рефлексивными по отношению к себе, мы ищем определенных паттернов в мире и в себе, чтобы добиться некой способности к ориентации. Кроме того, мы формируем психологические паттерны и формируемся сами в соответствии с ними, приоб-

³³ Jung C.G. The structure of the Unconsciouspar. 501 (курсив М. Стайна).

³⁴ Там же. Par. 500.

³⁵ Там же.

ретая структуру характера через свою идентичность и привычки. В богатом собрании данных, представленных в сознании, среди которых мы ищем и обнаруживаем определенные паттерны и порядок, входят не только ощущения и восприятия, но и ночные сны, фантазии и дневные грезы. Кроме того, к ним относятся также некоторые более или менее бессознательные фантазии, которые иногда мелькают в потоке дней и которые мы можем замечать краешком глаза. Иногда происходят странные совпадения, удивляя нас и представляясь зловеще значимыми. Они или преграждают нам путь, или открывают то, что раньше казалось закрытыми дверями. В центре нашего сознательного мира расположен эго-комплекс, регистрирующий данные, реагирующий на стимулы, действующий и вмещающий, начинающий и отзывающийся, подсчитывающий и планирующий, радующийся и страдающий. Юнг называет это *«относительно постоянной персонификацией бессознательного»*.³⁶ Это основа зеркала. Эмоции, события, люди, мысли, слова, образы, воспоминания, предвкушения, надежды, страхи – из них состоит то, что Уильям Джеймс называл «потоком сознания» – и это регистрируется и до некоторой степени сохраняется и отождествляется с эго. Юнг позаботился о том, чтобы назвать центр поля сознания эго-комплексом, поскольку он не осознаваем. Это самая интимная и индивидуальная из известных нам вещей, хотя сама по себе это темная тайна «без света и с тьмой внутри».³⁷ Мы считаем ее самой индивидуальностью, ядром всего нашего уникального существа. Однако ее основание несознательно и, стало быть, недоступно непосредственному интроспективному осознанию. Оно укоренено в тени, но и это относится к нашей индивидуальности.

Для того чтобы индивидуальность могла проявиться полностью, должна иметь место «ассимиляция бессознательных содержаний».³⁸ Чтобы это происходило, эго должно ослабить контроль над содержимым сознания в пользу процесса, не находящегося полностью под его (эго) управлением:

«Ассимиляция бессознательных содержаний ведет... к состоянию, в котором сознательное намерение исключено и заменено процессом развития, кажушимся иррациональным. Этот процесс сам по себе означает индивидуацию, а его продуктом является индивидуальность... особенная и универсальная одновременно».³⁹

Подобный акт передачи контроля иррациональному процессу, стало быть, оказывается следующим большим шагом на пути индивидуации.

Юнг описывает, как запустить в действие этот иррациональный процесс развития, в другой статье, также написанной в 1916 году и озаглавленной «Трансцендентная функция». Трансцендентная функция «возникает из союза сознательных и бессознательных содержаний»⁴⁰ и, стало быть, представляет собой более полную картину целостной психики и индивидуальности, которая может быть достигнута эго-комплексом через собственную интроспективную рефлексию и инвентаризацию того, что появляется в зеркале сознания. Основной метод создания трансцендентной функции – активное воображение, описанное Юнгом в этом тексте впервые. Активное воображение поднимает бессознательные образы и фантазии, функционирующие на заднем фоне эго-комплекса, на уровень сознания. Затем они могут быть отражены в зеркале и доступны наблюдению. Образы, порожденные активным воображением, по мнению Юнга, оказываются более связанными и полезными для создания трансцендентной функции,

³⁶ Jung C.G. *Mysterium Coniunctionis* (1955–1956) // CW. Vol. 14. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. Par. 129.

³⁷ Там же.

³⁸ Jung C.G. *The Relations between the Ego and Unconscious* (1935) // CW. Vol. 7. Par. 505.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Jung C.G. *The Transcendent Function* (1916) // CW. Vol. 8. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1969. Par. 131.

нежели сны.⁴¹ В активном воображении открывается диалог между сознательными и бессознательными аспектами психики, в котором ведущим становится то одно, то другое,⁴² – и так до тех пор, пока не сформируется «третье», олицетворяющее союз двух частей.⁴³ Это трансцендентная функция, которая «проявляется как качество воссоединенных противоположностей».⁴⁴ Это, стало быть, изобретенная психологическая структура, которая способна более полноценно олицетворять человеческую индивидуальность в ее полноте, включая в себя ее вершины и бездны от духовного до инстинктивного, и душу, и дух, и тело.⁴⁵ С консолидацией (согласно алхимической терминологии, с *coniunctio*) трансцендентной функции человек может стать собой в более широком смысле и на более сложном уровне, чем ранее.

То, что Юнг написал в 1916 году в «Трансцендентной функции», было предварительным наброском трудов и исследований, вышедших из-под его пера в последующие десятилетия. Его взгляды на значение активного воображения для процесса индивидуации были углублены и расширены в «Комментариях к *Тайне Золотого Цветка*» в 1929 году и в работах по индивидуации, опубликованных в книге «Психология и алхимия». В них он представил ход индивидуации как совместные усилия сознательного и бессознательного, как иррациональный процесс, о котором он писал еще в 1916 году. Многие более поздние работы Юнга имеют отношение к императиву индивидуации и продолжают тот же ход рассуждений. Его последней работой по этой теме стала «*Mysterium Coniunctionis*», написанная им в возрасте восьмидесяти лет.

В случае с Сарой использование активного воображения приобрело чрезвычайную значимость в поздние годы ее анализа. Фактически вскрылся представительный пласт образов, вращающихся вокруг Великой Богини и Гуань Инь – кормящей, сочувствующей, женственной фигуры Божества. Сначала эта фигура застыла в абсолютном контрасте с ее эгоистической установкой. В этой воображаемой фигуре она и вправду встретила с «противоположностью» своей сознательной установке и эго-комплексу. В прошлом она была известна как резкая, весьма нарциссичная, мужеподобная женщина, американский синий чулок. Ее воспоминания теперь стали болезненными: она вспоминала себя как неадекватную мать, неудачливую жену и фрустрированную интеллектуалку. Сочувствующая, любящая, прощающая Богиня и впрямь была чем-то далеким по сравнению с ее ощущением собственной индивидуальности. После повторных появлений этого образа в активном воображении и после все возрастающей интеграции его качеств она стала способна, насколько я могу судить как ее аналитик, объединить знакомый исторически сложившийся эго-комплекс с этими, ранее довольно чуждыми ей качествами коллективной женственности. Наконец она смогла ощутить себя как то самое «третье», о котором пишет Юнг применительно к трансцендентной функции «как о качестве воссоединенных противоположностей». В этом смысле она стала новой личностью.

На пути этого иррационального процесса происходил ряд важных синхроничностей.⁴⁶ Как я обнаружил, синхроничность надежно сопровождает индивидуацию, как только иррациональный процесс, о котором я здесь говорю, берет верх. Если есть возможность подвести это к ослаблению абсолютного контроля и к доверию потоку жизненного процесса, управляемому извне, то в игру вступает иной набор факторов, открывая простор для новых исследований. В случае Сары синхроничность, возникая, давала ей возможность в определенные моменты осознать ее проявляющуюся Самость, это сочетание личных и коллективных черт. Ее дети предоставили ей множество возможностей испытать свои недавно завоеванные способности к

⁴¹ Там же. Par. 153.

⁴² Там же. Par. 181.

⁴³ Там же. Par. 189.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Par. 190.

⁴⁶ Термин означает «значимое совпадение» и впервые был подробно раскрыт Юнгом в его работе (1952): *Synchronicity: An Acausal Connecting Principle*. // CW. Vol. 8.

предоставлению поддержки и к контейнированию сильных эмоциональных реакций. Старые друзья вновь появлялись в ее жизни и покидали ее в ключевые моменты; важные книги возникали на ее пути; подворачивались разные возможности вновь навестить бывших друзей и знакомые места, и предметы, олицетворявшие кризисы или неудачи, вновь становились доступными, чтобы она смогла опробовать новый подход к ним. Ее сны также добавляли важные детали к картине проявляющейся личности. И весь набор связанных между собою феноменов – прошлого, осознания и памяти, бессознательных образов из активного воображения и снов и синхроничность – сложился в то, что я назвал «проявлением Самости» в моей книге «Трансформация – проявление Самости». В работе с Сарой (которой было за восемьдесят, когда мы, наконец, закончили сессии, тогда уже проводящиеся по телефону, поскольку она больше не могла ездить) я оказался наделен привилегией – быть свидетелем того, как процесс индивидуации пустил корни и расцвел. Это было подлинным подтверждением ее ожиданий пятнадцатилетней давности, когда она лишь начинала анализ: «рост» был еще возможен для нее.

Глава 2

Роль нуминозного переживания в индивидуации

В письме к П.В. Мартину, основателю Международного центра изучения прикладной психологии в Окстед, Англия, Юнг подтвердил, что нуминозный опыт обладает центральным значением для его жизни и работы:

«Мне всегда казалось, что определенные символические события, характеризовавшиеся сильным эмоциональным тоном, были подлинными вехами. Вы совершенно правы, главный интерес моей работы заключался не в лечении неврозов, но, скорее, в подходе к нуминозному. Но дело в том, что подход к нуминозному является подлинной терапией и, стало быть, приобретая нуминозный опыт, вы освобождаетесь от проклятия патологии. Даже сама болезнь приобретает нуминозный характер».⁴⁷

Если согласиться с Юнгом, что единственный подлинный способ излечения невроза – это вырасти из него через индивидуацию, тогда терапия, базирующаяся на этой модели, с необходимостью будет включать в себя «подход к нуминозному», о чем решительно и заявляет в этом письме Юнг. Справедливо будет сказать, что принцип индивидуации, выдвинутый Юнгом и его последователями, обязательно включает нуминозное переживание в качестве основной черты.

Однако остается вопрос: как такие мгновенные символические переживания связаны с процессом индивидуации и как они могут быть использованы? Ответ на него четко обозначит разницу между психологической индивидуацией и тропой духовного развития. В то время как герой (героиня) индивидуационного путешествия ни в коей мере не идентичен герою духовного путешествия к Богу (как бы мы ни определяли это слово), все же не всегда легко сказать, где эти тропы расходятся, именно потому, что нуминозное переживание занимает центральное положение и в индивидуации. И все же они расходятся, причем решительно. В этой главе я попытаюсь объяснить это тонкое, но важное различие.

О психологическом исцелении и нуминозном опыте

Я могу начать с исследования того, как именно достижение нуминозного переживания освобождает человека от мук патологии, то есть от хватки комплексов, как заявляет Юнг в своем письме П.В. Мартину. Говоря обобщенно, «подход к нуминозному» считается религиозным предприятием, паломничеством. «Достижение нуминозного переживания», о котором говорит Юнг, относится к религиозному опыту квазимистической природы. Само по себе и без всякой дальнейшей интерпретации или рефлексии подобное достижение может вполне убедить человека в том, что жизнь наполнена смыслом. Нуминозный опыт создает потенциально убедительную связь с Бесконечным, а это часто приводит к чувству того, что изъяны характера, такие, как зависимости или поведенческие нарушения, тривиальны по сравнению с глубоким видением целостности и единства, передающимся в мистическом состоянии. Патологический симптом тогда может быть проинтерпретирован как стимул к духовным поискам или как парадоксальный вход в трансцендентность, и подобная интерпретация может наделить смыслом порок характера или болезнь саму по себе. Возможно, и впрямь требуется некоторая степень патологии, чтобы человек почувствовал достаточную мотивацию к духовным поискам. В этом

⁴⁷ Jung, C.G. Jung Letters, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe. Vol. 1 (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1973). P. 377.

случае получение нуминозных переживаний принесет изменения в чувство того, что патология – это мука и проклятие, даже если сами по себе они не излечат саму патологию, хотя они могут привести и к такому результату.

Для современного и психологически умудренного человека, однако, подобный духовный ответ может оказаться лишь временным лейкопластырем, но отнюдь не решением проблем, порожденных неврозом. Такой человек, ищущий скорее анализа, нежели духовного пастырства или религиозных паломничеств, не удовлетворяется лишь духовным осознанием как таковым. Тогда как же подход к нуминозному и достижение нуминозных переживаний могут способствовать далеко идущим целям индивидуации?

Фундаментом для Юнга (и для его последователей) является убеждение в том, что достижение свободы от проклятия патологии для себя самого или для тех людей, с которыми работаешь в анализе, нераздельно с проживанием полноты жизни, то есть вовлеченности в процесс индивидуации в наибольшей степени. Духовные поиски и нуминозные переживания могут быть важными моментами индивидуации, но их недостаточно для установления, а тем более для завершения индивидуационного процесса, хотя они могут привести к глубоким изменениям установки и личности, как это случилось с Павлом по дороге в Дамаск.⁴⁸ Однако в целом нуминозный опыт – это намек, и именно так и определяет его Юнг в нескольких местах: намек на то, что некие большие, не эгоистичные силы существуют в душе и что их нужно учитывать и в конечном итоге делать сознательными. Превращение психики в сознательную имеет высочайшую значимость в опусе индивидуации. Это обширное предприятие может быть описано самым кратким образом как многослойное ввиду сложности психики в целом (то есть Самости). Лечение патологии в юнгианской психотерапии – не частное мероприятие. Специфические симптомы нельзя изолировать от более общих вопросов сознания и целостности, то есть от глубоких и далеко уходящих тем индивидуации.

Чтобы глубже погрузиться в обсуждение этой темы, вспомним базовое двухфазовое движение процесса индивидуации, анализ и синтез, рассмотренные в предыдущей главе. Развитие сознания и полная реализация личности в целом, то есть индивидуация, изначально требует, чтобы человек порвал с бессознательной идентификацией с персоной, с одной стороны, и с фигурами анимы/анимуса – с другой.⁴⁹ Привязанности и отождествления с этими структурами и их содержанием могут быть ослаблены через сознательную рефлекссию и анализ. После этого может начаться процесс внутреннего диалога («активного воображения»), в котором разрыв между эго-сознанием и другими психическими структурами становится шире. Таким образом запускается аналитическое движение в процесс индивидуации. Сознание и идентичность становятся менее похожими на статичный набор объектов и паттернов, подобный картине, и начинают напоминать нечто вроде зеркала, в котором объекты могут свободно появляться в поле зрения и исчезать из него, а не остаются постоянно на месте. Такое движение анализа включает в себя растворение привязанностей к религиозным объектам, традиционным практикам и спроецированным теологиям. Здесь больше не остается места для фиксированной идентичности с религиозной фигурой, племенным, национальным символом или культурной ценностью. Одно из самых первых и важных достижений индивидуации – это способность обрести подобную текучесть сознания и достичь такой степени свободы от идентичностей, созданных в детстве и юности, а потом зацементированных на том же месте путем постоянно возникающих привязанностей, любовей, преданностей, потребности принадлежать или быть приверженцем или членом определенного общества. Если эта цель походит на духовное развитие, то она и является таковым посредством *via negativa*,⁵⁰ и таков путь мистических течений во

⁴⁸ Цит. Юнгом в: *Psychology and Religion* (1937) // *CW*. Vol. 11. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1969. Par. 9.

⁴⁹ См. главу 1.

⁵⁰ Пути отрицания (лат.).

многих религиозных традициях (христианстве, исламе, иудаизме, буддизме). Если рассматривать психику динамически, то можно легко понять, что идентификация с любой из нескольких психологических структур (персоной, личными или коллективными комплексами, архетипическими паттернами) блокирует дальнейшее движение индивидуации, фиксируя эго на бессознательно приобретенных объектах. Сознание должно быть освобождено от этого, если человек собирается воплотиться как индивидуальность в своей подлинной уникальности.

С эмпирической точки зрения проблему создают аффективно заряженные «голоса» или «образы», внедренные в эти психические структуры, засоряющие их и высказывающие авторитарные требования. Эти голоса и образы олицетворяют фигуры, с которыми человек идентифицировался или к которым привязан аффективными узами, – родителей, учителей, любовников, лидеров сообщества, врагов, «негров» и т. д. Эта реальность психологической жизни означает, что в психотерапии мы сталкиваемся с голосами и образами, передающими чувство и эмоцию. Мы не конфронтируем с внутренними структурами как таковыми. Если мы будем использовать только структурный подход, который выводит нас на теоретически необходимый уровень абстракции, то клинически это может быть малоэффективно и неточно при передаче психической реальности. Только внимательно прислушиваясь к голосам и образам, постепенно поступающим в пространство сознательной мысли и функционирования, становящихся заметными в своем влиянии или временами даже в главенствовании над сознательной волей и намерением, мы сталкиваемся с мифическим измерением психики, всего лишь на один маленький шаг отстоящим от местопребывания нуминозных сил.⁵¹ В аналитической фазе индивидуации бессознательная идентификация эго с такими фигурами, включая архетипические, становится предметом анализа. Человек должен освободиться от власти и влияния подобных фигур. Отделение и разъединение, а не союз – вот центральные темы этого движения.

Немного истории

Для того чтобы поместить это обсуждение в исторический контекст, вспомним, что интерес Юнга к мифическим фигурам бессознательной психики возник около 1909 года и впервые нашел свое публичное выражение в работе «Wandlungen und Symbole der Libido» («Трансформация и символы либидо») 1912 года (впервые переведенной на английский язык в 1916 году как «Психология бессознательного»). Из текста, написанного мисс Франк Миллер, «Некоторые факты бессознательной творческой фантазии», опубликованного со вступительной статьей швейцарского психолога Теодора Флурнуа,⁵² Юнг извлек мифическую основу, скрытую в фантазиях этой американской дамы. Для него это исследование выявило более глубокий слой психики, нежели чисто личный. В бессознательном активны голоса и образы, находящиеся за пределами личностного уровня. Сначала Юнг называл их «изначальными (примордиальными) образами»; позднее он дал им имя «архетипов коллективного бессознательного». Тщательное исследование сознания, особенно через анализ дневных грез, фантазий наяву и снов, открывает работу архетипических образов, обладающих контролирующим влиянием над бодрствующей мыслью и чувством. Исследуя эти скрытые уголки, Юнг обнаружил влиятельную силу примордиальных образов над сознанием, и их определяющее господство над психологической жизнью стало для него неоспоримым. Позади и внутри личных внутренних голосов и образов Юнг обнаружил застывших богов. Эти безличные силы и энергии огромного масштаба, отличающиеся одновременно примитивностью и утонченностью, не просто беспокоят сознание;

⁵¹ От *pumeninis* (номинатив – *puo*) – кивок головой, кивок, одобрение, выражение воли, команды, согласия божества, божественной воли, божественной власти. Следовательно, могущество божества, величие, божественность. См.: Cassell's New Latin Dictionary.

⁵² Quelques faits d'imagination creatrice subconsciente // Archives de Psychologie Geneva. V (1906): 36–51.

они же являются носителями культуры, духовных ценностей, передающихся от поколения к поколению, и паттернов инстинкта и воображения, которые можно найти во всех культурах и во все времена человеческой истории. В конце концов их образы воплощают и олицетворяют человеческий опыт божественного, с одной стороны, и инстинктов (таких, как сексуальность, голод, творчество и др.) – с другой.

Это глубокое понимание архетипических основ психики привело Юнга к постижению того, что патологические симптомы также содержат в себе (и часто прячут под собой) архетипический элемент. Человеческая психопатология – не всегда только индивидуальное и личное приобретение. Ее проявления кросс-культурны и универсальны, социальные и культурные обстоятельства относительно мало влияют на ее развитие. Психопатология является типичным следствием разных типов человеческого взаимодействия с окружающей средой, и она маскирует или репрезентирует базовые человеческие потребности, включая и духовные. Человек должен непосредственно обращаться к этим потребностям и справляться с ними, если хочет достичь равновесия и целостности в жизни. Индивидуация зависит от этого движения по направлению к сознанию и интеграции.

Нуминозность включается в это обсуждение в связи с ролью, которую архетипические влияния играют в патологических состояниях сознания. Как писал Юнг в письме, датированном 30 января 1961 года Уильяму Уилсону, соучредителю «Анонимных Алкоголиков»: «Его (Роланда, пациента Юнга) тяга к алкоголю была эквивалентом на низком уровне духовной жажды нашего существа, тяги к целостности, выражаемой на средневековом языке как союз с Богом».⁵³ Что касается случая Билла У., а именно под этим именем Уилсон известен в обществе АА, то подход к нуминозному и достижение нуминозных переживаний изменили его, он смог освободиться от убежденности в том, что открыть себя нуминозному означало бы обязательство вернуться к знакомой религии детства и к предписанным учениям и догмам. Пока он был не в состоянии этого сделать, его путь к интеграции нуминозного был заблокирован. Для Билла У. религиозная традиция стала, как и в целом для современных людей, прокрустовой. Из тупика его вывел спонтанный совет друга-алкоголика, нашедшего свой путь к духовности: «А почему бы тебе не выбрать свой собственный путь к понятию Бога?»⁵⁴ Дать это возможность выбора и наделить его ответственностью вместо настаивания на подчинении догме – таков был ответ на его религиозный конфликт. Став свободным в обретении своего индивидуального пути к нуминозному – а это особо важный пункт для современного человека – Билл У. изменился настолько, что болезнь, поражающая физическое и психологическое тело, могла быть преодолена. В результате вынужденного понимания того, что «нуминозный элемент духовности может исцелять», индивидуальность была высвобождена от пристрастия к алкоголю и была рождена всемирная организация самопомощи. Как только он обратился к подлинной подспудной тяге к духу и интегрировал ее в ежедневную жизнь, желание алкогольного экстаза стало возможным удержать под контролем.

Разве не все зависимости, задаемся мы вопросом после знакомства с их широким разнообразием в клинической практике, являются поиском чего-то столь ускользающего, что можно счесть это «что-то» так или иначе «принадлежащим духу»?

Нуминозные переживания и индивидуация: намеки и сигналы к интеграции

Лично для Юнга нуминозные переживания обладали наиважнейшим значением в индивидуации, как он утверждает в процитированном выше письме к П.В. Мартину. В поздней работе «Воспоминания, сновидения, размышления» он ссылается на них, когда пишет: «Годы,

⁵³ Jung C.G. Jung Letters. Vol. 2. P. 624.

⁵⁴ Alcololics Anonymous, 3rd ed. New York: Alcoholics Anonymous World Services, 1976. P. 12.

когда я следовал своим внутренним образам, были самыми важными в моей жизни. Они определили ее суть и основание».⁵⁵ Это ссылка на его период «конфронтации с бессознательным» 1912–1928 годов. Юнг дает выразительный комментарий по поводу этих внутренних образов: «Это была *prima materia* для работы на всю жизнь».⁵⁶

Другими словами, нуминозные переживания, значимые сами по себе, не были как таковые окончательно важными; скорее, они предоставляли важные ингредиенты (алхимическую *prima materia*⁵⁷) для дальнейших стадий совершенствования в опусе индивидуации. Эти опыты встречи с нуминозным были чем-то, с чем предстояло работать. Они предлагали материал, из которого он добывал свою психологическую теорию и ковал свою окончательную идентичность: «Из него [из завершающего долгую серию снов нуминозного сна, знаменитого Ливерпульского сна] возник первый проблеск понимания моего личного мифа», и – «Это [вся серия нуминозных образов и переживаний] стало исходным сырьем, которое мне предстояло обрабатывать; вся моя последующая работа – это более или менее успешные попытки включить раскаленную материю в состав современной картины мира».⁵⁸ Это набросок психологического опуса индивидуации. Это операция сублимации, трансформирующая духовное в психологическое и переводящее нуминозное переживание в нечто практическое и полезное. Архетипические образы, выявленные в нуминозном опыте, интегрируются в психологическое функционирование и ассимилируются в современном мире.

Психологическое объяснение нуминозных переживаний, подобных тем, о которых рассказывает Рудольф Отто в своей полной плодотворных идей книге «Священное», заключается в механизме проекции, тогда как бессознательные содержания «воспринимаются» в виде физических объектов, ритуалов или звуков, их выявляющих. В религиозном опыте, утверждает психолог, эго переживает содержимое бессознательного в проекции. Чем символичнее опыт, тем в большей степени архетипично содержание. Такие переживания создают символы, связывающие сознание с бессознательным, и они дают намеки, которые можно расшифровать как сообщения. Подобные намеки могут привести к более глубокому взгляду на жизнь с точки зрения коллективного бессознательного и являются существенно важными для психологического процесса индивидуации, если их заметить и сделать сознательными. Такая трансформация из одного состояния (духовного) в другое (психологическое) описывается как сублимация.

Процитируем фон Франц:

«Понятие сублимации происходит из алхимии. Фрейд вытащил ее из алхимии, из химии. К примеру, когда вы кипятите воду, она превращается в пар. Пар – это сублимированная вода. Это иное совокупное состояние. Химически пар не отличается от воды. Но качественно он проявляет себя по-другому. У него более высокий потенциал. В состоянии пара молекулы воды более активны; они больше вращаются и, таким образом, дают впечатление пара, а не воды».⁵⁹

Как только архетипические образы сублимируются подобным образом, они вплетаются в ткань сознательной идентичности человека и оказываются интегрированными. Будучи сублимированными духом и трансцендентностью, они излечивают. Они освобождают человека

⁵⁵ Jung C.G. *Memories, Dreams, Reflections*. New York: Vintage Books, 1989). P. 199. – Рус. пер.: Юнг КГ. ВСП, С. 200.

⁵⁶ Там же. [В обоих русских переводах эта заключительная фраза главы «Встреча (конфронтация) с бессознательным» передается не совсем точно: опускается значимое для Юнга латинское выражение *prima materia*. В цит. выше переводе она звучит так: «Это стало первоосновой моей работы и моей жизни» (ВСП, С. 200), а в переводе Л.О. Акопяна: «Таково исходное вещество всех трудов моей жизни» (Юнг КГ. Дух и жизнь. М.: Практика. 1996, С.204).]

⁵⁷ Первоматерия (лат.).

⁵⁸ Юнг КГ Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. С. 203–204.

⁵⁹ B. Hannah and M. – L. von Franz *Lectures on Jung's Aion*. Wilmette, IL: Chiron Publications, 2004. P.167.

от чисто непосредственных ограничений, определяемых временем рамок эго и, стало быть, делают существенный вклад в формирование того, что Юнг называл «трансцендентной функцией»,⁶⁰ психологической структурой идентичности, созданной из личных и архетипических элементов.

«Удивительно, сколь мало люди занимаются разбирательством с нуминозными предметами, – восклицает Юнг в своем знаменитом теологическом прорыве, в «Ответе Иову», – и каких усилий стоит такое разбирательство, если уж кто-то на него отважился. Нуминозность предметов затрудняет мыслительное к ним обращение, потому что в дело постоянно вмешивается и аффективная сторона того, кто мыслит».⁶¹ Сублимация и интеграция этого типа – сложная задача, но существенно важная для опуса индивидуации.

В обсуждениях такого рода стоит быть осторожным по отношению к часто повторяемому определению Юнгом «бессознательного» как «неизведанного». Иначе мы рискуем попасться в ловушку психологического редукционизма радикального типа. Утверждение о том, что религия основывается не на чем ином, как на спроецированных бессознательных содержаниях (то есть нуминозных переживаниях *мистерии*) может быть воспринято так, как если бы изучение теологии и религии сводилось к подразделу психологии, задачей которого будет продемонстрировать, как личные конфликты и тому подобное создают религиозные защиты и псевдорешения жизненных проблем. Некоторые школы психологии, без сомнения, с аплодисментами встретят подобное редуцирование религиозного до психологического. Это, однако, не путь Юнга и не путь аналитической психологии. В его подходе психологическое объемлет (то есть вбирает, интегрирует) религиозное таким образом, что духовное значение не повреждается и не редуцируется. Оно сублимируется. В действительности духовное подтверждается и амплифицируется через психологическое. Психика не видится ограниченной химией мозга, ранним детством, поведенческим потенциалом или способностями к обучению. Скорее, это дальний предел с бесконечным горизонтом, который в принципе не исключает метафизических основ бессознательных содержаний. Бессознательные содержания – это все те факторы, что лежат за пределами осознанности и контроля эго, или потому что были вытеснены (в результате конфликта между несовместимыми образами, идеями), или потому что они еще не стали полностью сознательными (все то, что еще не привнесено в психику не сублимировано, не интегрировано). Сказать, что объект, символизируемый религиозным переживанием, является содержимым бессознательного, – не значит исключить его возможное метафизическое положение. Это лишь значит установить предел человеческому познанию. Стало быть, это утверждение об эпистемологической осторожности со стороны ученого, а не заявление о том, что религиозные символы и нуминозные объекты не имеют иной онтологической основы. Метафизическое не может быть установлено или подтверждено научными методами. Оно должно оставаться гипотетическим.

Намеки, о которых неоднократно говорит Юнг по отношению к нуминозным переживаниям, могут рассматриваться как нечто похожее на то, что Питер Бергер, социолог и исследователь современности, имел в виду, выразительно обозначив как «знак трансцендентности»:

«Говорить о знаке трансцендентности – не значит отрицать, идеализировать зачастую грубые эмпирические факты, составляющие нашу жизнь в этом мире. Это, скорее, попытка ухватить промельк благодати, которую можно найти «в, с и под» эмпирической реальностью наших жизней».⁶²

⁶⁰ Jung C.G. Transcendent Function (1916) // CW. Vol. 8. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1969.

⁶¹ Jung C.G. Answer to Job // CW, Vol. 11. Par. 735. – Рус. пер.: Юнг КГ. Ответ Иову. М.: Канон, 1995. С. 213.

⁶² Betger P.A. Signal of Transcendence // Facing up to Modernity: Excursions in Society, Politics, and Religion. New York: Basic Books, 1977. P. 212.

Бергер говорит с точки зрения веры, тогда как Юнг придерживается нейтрального, наблюдательного положения психолога.

Тени нумена

В нескольких абзацах «Священного» Отто признает темную сторону *numinosum*, являющуюся источником «содрогания, трепета и благоговейного страха», присутствующих в рассказах о религиозных переживаниях по всему миру.⁶³ Юнг как психиатр был, что понятно, чрезвычайно чувствительным к разрушительной силе бессознательного, а также осознавал потенциально негативный побочный результат нуминозных переживаний на многих уровнях. Архетипы могут глубоко растревожить и повредить сознание,⁶⁴ и это столь же важно в них, как и то, что их переживание может связать эго с надличностной (трансперсональной) реальностью Самости.

В «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» Юнг комментирует тот искажающий эффект, который нуминозные идеи и образы могут оказать на познание. В одном замечательном пассаже, рассказывая о встрече с Фрейдом в ранние годы своей аналитической карьеры, он пишет:

«Всякий раз нуминозный опыт несет в себе угрозу для человеческой психики, он как бы раскачивает ее так, что каждую минуту эта тонкая нить грозит оборваться и человек утрачивает спасительное равновесие. Для одних это означает абсолютное «Да», для других – абсолютное «Нет»... Маятник нашего сознания раскачивается между смыслом и бессмыслицей, а не между справедливостью и несправедливостью. Опасность нуминозных состояний состоит в соблазне экстремальности, в том, что маленькую правду принимают за истину, а мелкую ошибку понимают как фатальную...»⁶⁵

Юнг наблюдал, как Фрейда захватила нуминозная сила, сексуальность:

«Из разговора с Фрейдом я понял, что он боялся, как бы нуминозный свет его сексуальной теории не был погашен «мутным потоком грязи». Таким образом, возникла мифологическая ситуация: борьба между светом и тьмой. Здесь кроется объяснение ее нуминозности, а также того, почему Фрейд сразу же прибегнул к своей догме как к непосредственному религиозному средству защиты».⁶⁶

⁶³ См.: Отто Р. «Священное» (1917), переведенное В. Харви как «Идея Священного»; Otto R. The Idea of Holy (Oxford: Oxford University Press, 1923/1950), Р. 15–19 – Рус. пер.: Отто Р. Священное, СПб.: Изд-во СПб университета, 2008

⁶⁴ См. пример околоспихотического масштаба в эссе Юнга: Brother Klaus (1933) // CW. Vol.11.

⁶⁵ Юнг К.Г. ВСП. С. 159.

⁶⁶ Там же. – Рус. пер.: Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. С. 161.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.